

*На правах рукописи*

**ШАОЖЕВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА**

**Политизация гендерных отношений в процессе преобразования  
российского общества  
(на материале Северного Кавказа)**

**Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы  
и технологии.**

**АВТОРЕФЕРАТ  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора политических наук**

Москва – 2015

Диссертация выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) и Центре социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (ЦСПИ КБНЦ РАН)

**Официальные оппоненты:**

**Магомедов Керем Османович** - доктор социологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой государственной службы и кадровой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

**Мельникова Татьяна Александровна** - доктор политических наук, профессор, заместитель начальника отдела по выработке государственной политики в сфере демографической политики и вопросов гендерного равенства Департамента демографической политики и социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

**Шведова Надежда Александровна** - доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Соединенных Штатов Америки и Канады Российской академии наук»

**Ведущая организация:** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет»

Защита состоится 14 октября 2015 года в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д. 002.088.03 по социологическим и политическим наукам при Учреждении Российской академии наук Институте социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) по адресу: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, большой конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИСПИ РАН

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на официальном сайте ИСПИ РАН – <http://www.isprras/>, а также на сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации – <http://vak.ed.gov.ru/>.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2015 года

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
кандидат социологических наук

**Гречихина В.Л.**

## Общая характеристика исследования

**Актуальность** работы обусловлена тем, что процессы преобразования российского общества сопровождаются трансформацией гендерных отношений и их значительной политизацией. Появляются различного рода конфликтные ситуации, которые выражаются в поведенческом несоответствии ценностям доминирующей национальной культуры. Некоторые формы гендерного поведения, имеющего место в традиционном обществе, заметно уходят на второй план. В итоге повышается уровень реального, в том числе политического статуса женщин, включенности их в политическую сферу. Отмечается нестабильность институтов брака. Роль ментальных стереотипов мужской части населения нивелируется, кроме того не редко наблюдается его уход от решения текущих проблем в область нефункциональных сублимативных проявлений – алкоголизм, наркоманию, массовую люмпинизацию.

Современные процессы трансформации общества обнажают глубинные механизмы его взаимодействия с социальными слоями и группами различного типа сознания (западного и восточного), что приводит к постепенному повышению этнического, этнополитического и этноконфессионального факторов вплоть до «столкновения цивилизаций»<sup>1</sup>, что и непосредственно, и опосредованно влияет на роль женщины в сфере политических отношений.

Вступление человечества в эру постиндустриального общества, изменило отношение женщин к процессу социальной стратификации и в первую очередь к ее главному компоненту – обеспечению социальной защищенности семьи. В то же время стандартная идеология гендерных отношений в Российской Федерации не претерпела каких-либо значимых изменений и, в принципе, находится на том же самом этапе развития, который имел место в советский период. На самом деле, факторы

---

<sup>1</sup> См.: Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

дальнейшего ухудшения явлений демографического, морального и этического характера косвенно влияют на ситуацию в политических и других областях жизнедеятельности

Изучение основных тенденций эволюции политизации гендерных отношений и альтернативных форм женской социально-политической активности – актуальная проблема политизации и социализации женщин, осознания ими своей новой роли в семье и обществе.

Рассмотрение политической наукой трансформационных процессов в гендерной сфере, их общего и особенного в широком историческом диапазоне становится чрезвычайно востребованным и применительно к большинству регионов Российской Федерации. В этой связи первостепенное значение приобретает особая составляющая женской социально-политической активности, а именно – оптимизация стихийных и часто нежелательных политических последствий трансформации гендерных процессов формирующегося демократического общества. В настоящее время, женская социально-политическая активность представляет собой стремление к целенаправленной адаптации, которая возникает на уровне функциональной роли семьи и роли женщины.

В связи с этим проблемы изучения эволюционных форм женской социально-политической активности в традиционных этнических обществах представляются тем полем исследования, где могут быть выяснены основные черты и формы эволюции женского самосознания, точки гендерного взаимодействия как гаранта полноценного развития, социальной стабильности и консолидации социума.

Кроме того, актуальность диссертационного исследования обусловлена недостатком работ, касающихся влияния системы традиционных гендерных взаимоотношений на развитие ситуации в северокавказском регионе, а также тем, что на сегодняшний день модель межэтнического взаимодействия, даже столь характерная и значимая для Северного Кавказа, как институт взаимной коррелированности феминистских и патерналистских механизмов

этнической идентификации и рекреации, является мало исследованной областью. Это, в условиях сегодняшней экономической и социально-политической ситуации России, представляется одной из самых актуальных тем научного поиска.

**Степень научной разработанности проблемы.** Тема диссертационного исследования находится на стыке ряда гуманитарных наук, в т.ч. политологии, социологии, этнологии, политической экономии, политической истории.

Гендерные системы, формы женской социально-политической активности, также как и история мирового женского движения отмечены высокой степенью изученности и, несмотря на довольно небольшой временной интервал существования современного социально-экономического и политического континуума, мы полагаем, что первоначальной точкой его формирования является конец 80-х – начало 90-х годов XX века. Хотя количество исследований, посвященных тем или иным сторонам актуализации потенциала женской социально-политической активности в обществе достаточно велико, в то же время считаем необходимым отметить, что число работ, принадлежащих перу российских (советских) исследователей не так уж много.

Работы таких ученых, как Р.Г. Яновского, С.Г. Айвазовой, Н.М. Римашевской, М.Г. Котовской, Н.А. Шведовой, Т.А. Мельниковой, Т.В. Карадже, М.В. Фирсова, Е.И. Холостовой, Л.Т. Шенелевой, О.А. Хасбулатовой, М.Е. Баскаковой, Е.А. Баллаевой, Е.Р. Ярской-Смирновой составляют золотой фонд гендерных исследований в широком политическом и социально-политическом аспектах. Многие из них изучают участие женщины в управлении государством. Это – чрезвычайно важная проблема, но она не исчерпывает весь комплекс политических аспектов трансформации гендерных отношений в условиях преобразования российского общества.

Исследованию основных тенденций развития общественно-политических процессов, технологии принятия решений, обеспечивающей

широкое представительство различных социальных страт в политическом процессе посвящены работы ведущих теоретиков-политологов, философов, социологов М. Вебера, Ю. Хабермаса, Р. Дарендорфа, Э. Гидденса, Т. Гоббса, Г.Ф. Гегеля, Дж. Локка, А. Тойнби, К. Поппера, П. Сорокина.

Анализу специфики взаимодействия государства и общества, проблемам их взаимодействия в политическом процессе, посвящены труды таких ведущих зарубежных исследователей как П. Бурдьё, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, И. Гофмана, З. Фрейда, Г. Зиммеля, Г. Спенсера, М. Хайдеггера, Дж. Коэна, Р. Патнэма, Ф. Шмиттера.

Исследованию традиционного общества посвящены работы Л. Дюмона, Ф. Ницше, К. Шмитта, М. Элиаде, О. Шпенглера и др.

Вполне закономерно, что труды современных российских политологов, философов и социологов общетеоретического плана в том или ином аспекте касались гендерной проблематики и вопросов изучения политической трансформации постсоветского периода. В этом ряду находятся работы Г.В. Осипова, Н.Н. Моисеева, Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рогачева, В.Г. Афанасьева, И.В. Бестужева-Лады, М.Д. Валовой, Л.Е. Ильичевой, В.П. Култыгина, В.С. Агеева, В.Я. Гельмана, Р.Р. Галлямова, Н.В. Досиной и других.

Большой интерес представляют работы, появившиеся в последние годы – И.Н. Калабихиной, Т. Г. Клименковой, И.К. Жеребкиной, Н. Л. Пушкаревой.

Определению гендерных социально-политических индикаторов, основной целью которых является исследование социального неравенства мужчин и женщин относятся работы С.М. Поповой, С.М. Шахрая, А.А. Яника.

Значимыми для разработки общей концепции диссертации явились теоретико-методологические разработки, затрагивающие проблемы взаимовлияния гендерного, национального и политического дискурсов (О.В. Рябов, К. Кон).

Особую группу работ представляют исследования роли мужественности

в политических процессах: Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, И. С. Кона, И. И. Новиковой, А.Л. Салагаева, О. В. Шабуровой.

Изучению социально-политической активности в гендерном измерении посвящены работы О.А. Хасбулатовой, М.Е. Баскаковой, Е.А. Баллаевой, Л.С. Егоровой, Н.М. Римашевской, Е.А. Здравомысловой, Л.Т. Шинелевой, А.А. Темкиной, О.Г. Овчаровой, Л.С. Ржанициной, М.В. Тарасовой, Н.А. Шведовой, С.Г. Айвазовой, Е.Р. Ярской-Смирновой и др.

К исследованию вопроса, касающегося национальной специфики гендерных проявлений относятся работы Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Горошко.

Проблемам оценки трансформационных моделей в процессе преобразования традиционного общества, которые позволяют изучить вопросы гендерной асимметрии на различных уровнях (глобальном, региональном, локальном), посвящены работы отечественных исследователей В.А. Тишкова, В.В. Шелохаева, К.С. Гаджиева, С.Г. Карамурзы, Л.Н. Гумилева, М.М. Лебедевой, М.Н. Гринева, А.И. Юрьева и др.

Специфике гендерных представлений на политическое поведение посвящены исследования С.Г. Айвазовой, Е.Р. Ярской-Смирновой и др.

Для нашей работы чрезвычайно важным является анализ статусного положения женщины в традиционных обществах Северного Кавказа, особенностей менталитета, этнокультурных традиций, которые и сегодня достаточно сильны, для того, чтобы существенно изменить гендерные отношения в северокавказском регионе. И к таким исследованиям относятся работы: Х.М. Думанова, С.Х. Мафедзева, М.А. Бутаевой, М.А. Текуевой, Л.Х. Сабанчиевой, И.И. Маремшаовой, и др.

Тем не менее, несмотря на значительный объем литературы, посвященной гендерной проблематике, работ, рассматривающих процесс модернизации традиционного общества, специфические проблемы этнических обществ, исследующих уникальность тех или иных черт внутриэтнической социальной структуры, иначе говоря – ориентированных

на этническое своеобразие, крайне недостаточно. Представленная на защиту диссертация в определенной мере восполняет этот дефицит.

**Объект исследования** – политизация гендерных отношений.<sup>2</sup>

**Предмет исследования** – политизация гендерных отношений на Северном Кавказе в процессе преобразования российского общества.

**Цель диссертационного исследования:** на основе комплексного социально-политологического исследования определить развивающиеся и доминирующие общие и специфические тренды политизации гендерных отношений в условиях новой российской экономической и политической реальности. Выявить специфику общего и особенного в трансформации процессов участия женщин в общественно-политической жизни северокавказского региона. Предложить механизмы, формы и методы повышения эффективности женского движения региона.

**Задачи исследования:**

- выявить в историческом контексте общие и особенные факторы, влияющие на политическую трансформацию традиционного общества и гендерного сознания;

- на основе результатов диссертационного исследования определить наиболее значимые и зарождающиеся тренды политизации гендерных отношений в процессе преобразования традиционного общества;

‣ определить влияние различных экономических, социальных, политических факторов трансформации общественной жизни на политизацию различных форм и аспектов гендерных отношений;

- систематизировать опыт основных форм женской социально-политической активности; раскрыть общее и особенное в детерминантах эволюции женской социально-политической активности в региональном социуме;

---

<sup>2</sup> Термин политизация гендерных отношений трактуется в диссертации как возможность и способность активного, равноправного, легитимного участия женского сообщества в политической и других сферах жизнедеятельности общества, выступающая как одна из важных политических доминант цивилизационных отношений.



- обобщить опыт участия женщин в организованных и латентных формах в процессе преобразования традиционного общества и их влияние на политизацию гендерных отношений;

» проанализировать механизмы, в т.ч. политические, реализации женского влияния на социум в пределах традиционных, либо условно традиционных этнических сообществ и определить дальнейшие направления их политизации;

» определить влияние религиозных факторов на становление этнического изоляционизма и радикальных моделей этнической самоидентификации.

**Основная гипотеза исследования:** В условиях дальнейшей модернизации общественных процессов в мире, стране и регионе будет возрастать уровень политизации гендерных отношений, а вместе с ним и политическая роль женщин, их влияние на все стороны жизни общества, в т.ч. участия в процессе управления. Наряду с общим политическим трендом будут усиливаться специфические особенности, связанные с историческим прошлым и настоящим различных регионов. Предполагается, что в условиях преобразования традиционного общества и трансформации гендерных отношений особое значение может иметь возрастание роли и статуса женщин в семье и обществе, в силу чего можно ожидать появление открытых или скрытых этнических и социально-политических конфликтных ситуаций.

**Теоретико-методологической основой** исследования являются идеи о социальной обусловленности общественных эволюционных движений, положения, касающиеся основных исследований гендера о характере его влияния на человеческое общество (П. Сорокин), а также концепт важности гендерного фактора в политической модернизации общества, разработанные ведущими отечественными и зарубежными учеными.

Для современного этапа политического процесса исключительное значение имеют классические работы В. Парето, Г. Моска, П. Михелеса, Р. Дарендорфа, Б.Н. Чичерина, М.Я. Островского, М.В. Ильина.

В плане общей концептуальной оценки дисциплин о человеческом

обществе нам представляется важным поливекторный ситуативный подход, получивший свою завершённую форму в трудах М. Вебера – о социальной организации в виде сложного агрегатированного образования и ее функционировании как целостной взаимодействующей системы.

Разработке методологии исследования также способствовали идеи Дж. Батлер, Е. Косовски-Седжевик, В. Брайсон (теория гендерной идентичности), Г. Зиммеля, У. Штейнберга (концепция функционирования гендерных стереотипов), Т.В. Беданс (психология гендерных отношений), Д. Бернарда, Б. Фридан, С. Де Бовуар, К. Миллет (концепция неравенства полов в экономическом, политическом и социокультурном измерениях), У. Томаса, Л. Уайта, Дж. Мердока, Э. Гидденса (теория социальной адаптации), Ж. Гурвича, Г. Адорно (теория социальных систем), П. Сорокина (теория социальной мобильности), Л.В. Сажиной, М.Г. Горлач (гендерная концепция), Л.Иригаре, Р. Брайдотти (проблематизация женской субъективности), Н. Фрейджер, Дж. Батлер, В. Брайсон, И. Жеребкиной, Л. Попковой (политическая теория феминизма), И. Кона, М. Кауфмана, Р. Коннела (исследования маскулинности), В. Клеина (концепция маргинальности женщин), Г.В. Осипова (теоретические основы научного управления обществом), Л.М. Дробижевой (изучение этноконфессиональных факторов), Э.Д. Кисриева (роль религии в идеологическом пространстве России).

Рассматривая гендерные системы и роль женщины в традиционных этнических сообществах, мы придерживались цивилизационного, институционального и системно-аналитического гендерного подходов, подразумевая при этом тотальный характер патернализма народов региона, его презентативную актуализированность, как в рамках внутрисемейных отношений, так и экстраполированность на все сферы жизни – даже в современных условиях кризиса маскулинных стереотипов и поведенческих норм «мужчины-воина», «мужчины-защитника». Кроме того основными научно-исследовательскими методами явились:

-структурно-функциональное измерение;

- экспертные, мониторинговые интервью;
- географический и этнологический методы пространственной и национальной преемственности;
- контент-анализ;
- дискриптивные и корреляционные характеристики.

**Эмпирическая база исследования** представлена широким спектром наблюдений за развитием политизации гендерных отношений в современном региональном социуме, которые обнаруживают глубокие социальные трансформации, скрытые от повседневного взгляда различными устойчивыми идеологическими концептами. Основной эмпирической базой выдвинутых теоретических положений и практических рекомендаций стали результаты вторичного анализа общероссийских исследований, а также социологических исследований, проведенных автором среди населения в территориально-административных районах Кабардино-Балкарской Республики, в частности:

- Социологическое исследование по изучению электоральной активности женщин КБР. Исследования проводились с 1995-го по 2008 г. Опрошено 700 женщин, в возрасте от 25 до 60 лет. Признаки репрезентации: пол, возраст, образование, сфера занятости, пространственная локализация. (Руководитель Н.А. Шаожева.)

- Глубинные интервью, проведенные в 1999-2010 годах (n=1400). (Руководитель Н.А. Шаожева.) Эмпирический объект - жители Кабардино-Балкарской Республики в возрасте от 18 до 70 лет. Выборка квотная (квотируемый признак – возраст, пол и образование респондентов). Выборка репрезентативна для взрослых представителей основных социально-демографических групп (возрастных и гендерных). Исследования посвящены изучению влияния трансформационных процессов российского общества на гендерные взаимоотношения в традиционном обществе; выявляется степень адаптированности гендерных систем в условиях экономического кризиса; определяются механизмы нормативного этнического поведения в

современных условиях; гендерный фактор в социально-экономическом и политическом развитии региона.

- Экспресс-опрос по выявлению данных, касающихся отношения к исламу в молодежной среде г. Нальчика. (Руководитель Н.А. Шаожева.) Опросы проведены в 1998, 2008 и 2011 гг. Выборочная совокупность: 350 – 400 человек. Признаки репрезентации: пол, образование, сфера занятости.

- Выявление мотивационных и целевых установок современного студенчества стал возможен благодаря применению двух «мягких» методов социологического исследования. Ими стали включенное наблюдение моделей повседневного поведения участников образовательного процесса в вузе (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета и Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии) и ряд нестандартизированных интервью с участниками образовательного процесса (школьники (n = 200), студенты (n = 300), преподаватели (n=300)). Опрос был проведен в 2011 г. (Руководитель Н.А. Шаожева.)

В диссертационной работе использованы также материалы общероссийских исследований, контент-анализ документов предвыборных компаний в органы местного самоуправления населенных пунктов Кабардино-Балкарской Республики; материалы архивов Кабардино-Балкарской Республики, данные текущих архивов министерств и ведомств КБР, личных архивов; данных Управления федеральной службы статистики по КБР; наблюдения автора, касающиеся функционирования женских обществ и консолидированных групп; публикации в научных, специфических и ведомственных журналах, а также в периодической печати.

Совокупность эмпирических данных по Кабардино-Балкарии в достаточной степени репрезентирует и позволяет типизировать основные тенденции трансформационных процессов в гендерной сфере в отношении других субъектов Российской Федерации, прежде всего Северного Кавказа.

**Научная новизна** диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Выявлены основные тренды влияния складывающейся принципиально новой социально-политической ситуации в мире и в России на политизацию гендерных отношений и социально-политические последствия этого процесса.

2. Сделан вывод о динамике и весьма значительном преобразовании традиционных обществ, сопровождающееся трансформацией гендерных отношений и усилением, в свою очередь, их политизации, в т.ч. повышением роли, статуса, легитимности и социально-политической активности женщин в социуме и их противоречивого влияния на политику.

3. Определена степень различия «общего» и «особенного» в политизации женского коллективного и индивидуального сознания в трансформирующемся традиционном обществе и его отражение в политизации гендерных отношений в регионе.

4. Уточнены политические, экономические, социальные, этнические детерминанты развития форм женской социально-политической активности и изменение статусного положения женщины в обществе и смена их на разных этапах общественного развития на Северном Кавказе, в т.ч. в Кабардино-Балкарии.

5. Выявлены основные параметры особого института традиционных обществ, находящегося в переходной стадии своего развития – секторального гендерного пространства, внутри которого формируются определенные позиции женщин (политизация). Иными словами, это локализованное в семейном кругу женское влияние, распространяющееся на различные сектора жизнедеятельности.

6. Определено прямое и опосредованное влияние новой социально-политической реальности в стране и регионе на социальные и психологические механизмы функционирования секторального гендерного пространства в условиях деструкции патерналистских этнических обществ Северного Кавказа.

7. Обобщен опыт реализации женской социально-политической

активности в политическом и этнополитическом аспекте, рассматриваемый на современном этапе в качестве основного показателя развития политизации женщин в современном региональном социуме.

8. Выявлены механизмы конфессионального изоляционизма, и показана их ключевая роль в политизации гендерных отношений.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Изменение основополагающих доминант социально-политической реальности на Северном Кавказе существенно влияет на динамику политизации гендерных отношений, делая их все более сложными, динамичными и часто плохо предсказуемыми.

2. Повышение гендерной активности в современном северокавказском обществе привело к возрастанию политической и общественной роли женщин.

3. Ослабление вертикали власти и единого правового пространства РФ способствовало потере традиционными институтами своего идеологического влияния в регионах страны, что позволяет определенным консолидированным социальным группам, а в ряде случаев и органам власти, идти на дальнейшую фрагментацию зон функционирования общества, с фактическим переходом к образованию во многом автономных социально-идеологических сообществ.

4. Социально-политическая и идеологическая устойчивость автономных социальных сообществ настолько невелика, что доминирующее влияние в них захватывают уже и мелкие группы. Наличие взаимоисключающих или даже слабokonфликтных интересов различных социальных и этнических групп в подобной ситуации и при ослаблении стабилизирующего влияния традиционных гендерных систем чревато развитием открытого конфликта, получающего, либо межнациональную, либо конфессиональную окраску.

5. Происходит многоаспектное включение политики в сферу общих и специфических интересов женщин на всех уровнях, начиная от уровня

внутригосударственного управления до внутрисемейного. В связи с чем, для традиционных обществ характерным является распространение женского влияния на социум часто в скрытых, внешне не выраженных формах.

Особый институт традиционных обществ - секторальное гендерное пространство – фактически берет на себя, с одной стороны, формирование и развитие политического потенциала женщин, с другой стороны, повышение их статуса во внутрисемейных отношениях, как следствие, латентного влияния женщин на поведение мужчин, с третьей стороны, продуцирование адаптивных архетипов мотивации и социального поведения в сознании подрастающего поколения – базовых гендерных комплексов. Происходит социализация индивидуума в условиях разрушения традиционных ценностей, что получает все большую политическую акцентировку.

Возникает и укрепляется ментальная дихотомия «свой-чужой», имеющая, как правило, четко выраженную национальную, а не моральную окраску.

6. Политически значимо то, что практика социальных гендерных отношений изменилась, а стереотипные представления, сложившиеся в традиционном обществе, во многом остались устойчивыми. В этом выражается расхождение между живучестью стереотипных представлений и реальностью, что отражается и на политизации гендерных отношений.

7. При доминировании национального подхода инациональное влияние воспринимается как культурная агрессия, направленная на уничтожение традиционных систем общежития. Изменение моделей сексуального поведения гендерные системы традиционных этносов воспринимают как прямую угрозу базовой целеполагающей репродуктивной роли женщины.

8. Адаптивная тактика женщин в условиях изменения стандартов женского поведения приводит к активизации женщин в сфере ортодоксальных политических и религиозных норм. Развивается процесс обесценивания традиционных нравственных представлений и приоритетов.

Этническая среда народов Северного Кавказа реагирует на все эти явления политической и этнической радикализацией и формированием альтернативных социальных пространств, в которых новационные нормы поведения невозможны (исламизация населения). Гендерные системы при этом выполняют функции механизма инициации указанных процессов.

### **Теоретическая значимость работы.**

Исследование раскрывает специфические закономерности общего процесса политизации общественных, в том числе гендерных отношений на Северном Кавказе. Выявлены устойчивые тенденции функционирования институтов этнического социокультурного и социоструктурного воспроизводства, подходы к гармонизации как внутренней, так и внешней политики государства. Можно с полной уверенностью говорить о том, что гендерные взаимоотношения являются важной частью политических отношений, политических эволюционных движений современной цивилизации.

Результаты исследования помогают выявить теоретико-методологические аспекты механизмов продолжающейся деструкции патерналистских систем и латентную феминизацию этносов, при этом основной акцент делался на моментах становления ее различных видов как специфического проявления социальных отношений.

**Практическая значимость исследования** видится в возможности использования его выводов и практических рекомендаций в деле формирования основных направлений деятельности государственных органов и общественных организаций, как страны, так и регионов в сфере социальной политики. Положения диссертационного исследования будут полезными при разработке федеральных и региональных программ противодействия распространению экстремистских и радикальных движений.

Положения и выводы, сформулированные в диссертации, представляют ценность для практики политологических и социологических исследований.



Они также могут быть использованы в разработке курсов по политологии, социологии, гендерологии, конфликтологии.

**Апробация работы.** Основные результаты исследования апробированы в научных статьях, монографиях и докладах. По теме диссертации опубликовано 58 научных работ объемом 56 п.л. (из них 3 монографии, 23 статьи, рекомендованных ВАК и в ряде других научных изданий).

Положения и выводы диссертации изложены в докладах и сообщениях на всероссийских и международных конференциях: «Актуальные вопросы философии, истории и политологии» (г. Новосибирск, 10 марта, 2011), «В мире научных открытий» (г. Таганрог, 30 сентября, 2011), «Актуальные вопросы социально-экономического развития современного общества в условиях реформ» (г. Саратов, 30 ноября, 2011), «Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы» (г. Тамбов, 26 декабря, 2011), «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели» (г. Нальчик, 28 июня, 2013).

Диссертация обсуждалась на заседании сектора «Методологии и технологии исследований социально-экономических и социально-политических рисков» ИСПИ РАН.

**Структура диссертации** обусловлена целью и задачами исследования, а также избранной автором логикой его осуществления и состоит из введения, пяти глав, включающие четырнадцать параграфов, заключения и библиографического списка.

### **Основное содержание диссертации.**

Во **Введении** обосновывается актуальности темы диссертации, показана степень научной разработанности, ставится цель, определяются задачи, предмет и объект, описываются методы исследования, формулируется научная новизна и положения, выносимые на защиту.

**Глава 1 – «Эволюция гендерной политической и социальной активности»** посвящена анализу политизации гендерных взаимоотношений, являющейся базой детерминации эволюционных движений в условиях

трансформации современного социума.

**В параграфе 1.1. - «Гендерные отношения и женская политическая и социальная активность»** уточняются вопросы, касающиеся гендерных процессов, формирования, развития и функционирования гендерных институтов, роли гендерных стереотипов в этнической рекреации, форм женской политической активности, их общего и особенного в национально-традиционных обществах. В работе показано, что эволюция отношений мужчины к женщине носит характер, определяемый спецификой генерального вектора их развития. Деструктивные же изменения в сознании и ролевой функции современного мужчины в последние два-три десятилетия никоим образом не изменили базовых гендерных отношений<sup>3</sup>.

В диссертационном исследовании вводится понятие секторального гендерного пространства, проявляющееся в двух формах женского влияния на жизнь социума – презентативной, распространяющей женскую активность, в т.ч. и политическую на социально значимые институты и субстратной, локализованной в традиционных биопопуляционных и половых областях функционирования (семья и ближайшие родственники), при доминировании субстратных форм женской активности. Женщина традиционного общества формирует особое поле своего приоритетного положения. Находясь внутри семьи, она начинает активно вмешиваться в те области, вторжение в которые еще недавно были для нее под запретом.

Выделяются следующие этапы развития секторального гендерного пространства в условиях Северного Кавказа:

1. Нулевой – время полноценно функционирующего патерналистского вида общества, основные институты которого детерминированы поведенческими, оценочными, мотивационными, морально-этическими комплексами воинского типа.

2. Государственно-инициированный. Системы хозяйствования

---

<sup>3</sup> См.: Дамения, О. Кавказская культурная общность: миф или реальность? [Текст] / О. Дамения // Научная мысль Кавказа. - 2002. - № 1. – С. 45-54.

отдельно взятой семьи в аутентичных сообществах практически не претерпели изменений с приходом советской власти, однако, всемерное развитие презентативных форм женской активности способствовало накоплению диспропорции между естественным положением женщины и ее теоретически открывавшимися возможностями. Кроме того, эта стадия характеризуется латентной маргинализацией женщин и активным формированием потенциальных секторов гендерного пространства.

3. **Переходный.** Начало этапа совпадает с перестроечными процессами, с потерей мужчинами роли основного кормильца и социального коммутанта горской семьи. Женщина начинает осознавать себя в качестве основной хранительницы семейных ценностей и институтов этнической идентификации, что имеет как прямое, так и опосредованное влияние на ее политическую роль.

4. **Радикально-этнический.** Начало этапа можно соотнести с окончательным развалом социально-экономических институтов жизнеобеспечения, порожденных и работавших в СССР.

Что касается базового гендерного комплекса, то под ним в диссертационной работе подразумевается система стандартных ожидаемых реакций личности на внешние раздражители. Основным содержанием скореллированных эволюцией секторального гендерного пространства развития базовых гендерных комплексов можно считать постепенное замещение и вытеснение из их состава морально-этических составляющих, чье место в общем объеме комплексов неизменно стали занимать социально-адаптивные компоненты. Именно они в свою очередь приводят к рекреации традиционных этнических поведенческих моделей, приобретающих демонстративное качество, что еще более усиливается в условиях скрытой и открытой маргинализации женской части этнических обществ.

**В параграфе 1.2. – «Презентативные формы становления, развития и политизации женского движения»** дается характеристика основных моделей мирового женского движения в целом, и российского в частности, а

именно, пассионарной, естественно-эволюционной и сателлитной.

В диссертации показано, что российское женское движение развивалось по западноевропейским образцам и моделям, более того, на русской почве феминизм зачастую принимал свои радикальные формы - как в смысле принадлежности к левым политическим партиям, так и в смысле радикализма гендерных, в т.ч. и политических требований представительниц русского феминизма.

В то же время отмечается, что было бы большой политической ошибкой полностью признать прямую проекцию феминизма Европы на Россию. Неорганизованные формы женской политической и социальной активности в России имели свою многовековую предысторию. Общественная благотворительность была тем видом социально-политической активности, где женщина играла если и не доминирующую, то, по крайней мере, значительную роль, где формировались черты общественного лидера, в дальнейшем трансформирующегося в политического.

Деятельность различных обществ с преимущественным влиянием и участием в них женщин была столь весома в условиях России, что политическая обусловленность женской социальной составляющей во всех общественно значимых явлениях была бесспорна настолько, что позволила некоторым исследователям констатировать иницирующее воздействие на российское общество в период его выхода из идеологического и духовного кризиса конца XIX века именно женского движения.<sup>4</sup>

**В параграфе 1.3. – «Основные этапы развития различных форм женской политической и социальной активности»** анализируется деструкция базовых гендерных комплексов, приводящая к формированию особого типа женской социально-политической активности.

В работе показано, что в условиях современного общества роль традиционных гендерных институтов в деле формирования политически

---

<sup>4</sup> См.: Айвазова, С.Г. Женское движение России: опыт типологического анализа [Текст] / С.Г. Айвазова // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. - М.: Правда, 1999. Т.5. – С. 143-156.

активной и самодостаточной личности высока.

Гендерные системы по ходу жизнедеятельности личности закладывают основные направления дальнейшего ее развития, на которые уже накладываются определенные сегменты, отвечающие за функционирование индивидуума в социуме.

В диссертационном исследовании обосновывается положение о том, что в условиях полиэтнизма и особой жесткости поведенческих стереотипов, стабильности базовых гендерных комплексов латентные формы женской политической активности приобретают особое значение, порождая тем самым развитие ее субстратных форм, и фактически обусловивших специфическую роль женщины в политическом процессе, в тех или иных его формах<sup>5</sup>.

В своем развитии они проходят несколько этапов. Например, на Северном Кавказе первый этап связан с патриархальным этническим самосознанием народов, населяющих его, и подразумевает латентные формы социальной активности лишь в матримониальных отношениях. Вторым этапом связан с периодом закрепления на территории Северного Кавказа законов Российской империи, при котором произошел переход гендерных систем на новый уровень развития. Этнические параметры идентификации также не играли столь существенной роли, как и конфессиональные. И, судя по всему, подобная ситуация сохранялась вплоть до середины 20-х – начала 30-х годов прошлого столетия, когда благодаря усилиям государства в области идеологии стало возможным говорить о потере этнической аутентичности в сфере гендера, как таковой.

Период с середины 20-х по конец 80-х годов прошлого века допустимо считать третьим этапным состоянием гендерных систем, зиждущихся, прежде всего, на экономических основаниях, выражающихся в утрате функций этнического определения системы гендерного воспитания, при

---

<sup>5</sup> См.: Ковалева, Т.Э. Женщины: ресурсы политического поведения [Текст] / Т.Э. Ковалева, Н.В. Иванчук // Социологические исследования. - 2000. - №7. - С. 68-74.

котором субстратные функции гендера в социуме игнорируются.

Этот момент представляется наиболее существенным в осознании политической роли и значения гендера в возможных конструктивных и деструктивных коллизиях развития социума, становлении и развитии политизации женщин, женских организаций и объединений.

Вступление гендерных систем традиционных этнических сообществ Северного Кавказа в четвертую фазу своего развития характеризуется видимым противоречием, которое возникает между адаптивными базовыми гендерными комплексами, морально-этическими и культурно-трансляционными составляющими в условиях деэтнизации гендера в целом. На базе данных гендерных противоречий формируются узлы оппозиционных корреляций современного общества, их политизация<sup>6</sup>.

В целом субстратные формы женской социально-политической активности на современном этапе на Северном Кавказе становятся генерационной базой негативных процессов. И именно гендер, в условиях резких политических и социальных трансформаций продуцирует и актуализирует мировоззренческую дуальность, реализованную в концептах «свой» - «чужой».

Происходит формирование механизма скрытого воздействия гендерного фактора на все функционально значимые области социума, включая политические. Первоначально ограниченный концептом моральных и этических взаимодействий, вопросами поколенной трансляции, поведенческой и мотивационной направленности, женская социально-политическая активность начинает вмешиваться во все или почти все стороны внутрисемейной, а через нее – общественной жизни, включая политическую. В глубине традиционных патерналистских этнических сообществ зарождается особый тип детерминирования общественных явлений – секторальное женское влияние являющееся предметом анализа

---

<sup>6</sup> См.: Колосов, В.А. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России [Текст] / В.А. Колосов, А.Д. Криндач // Полис. - 1994. - №6. - С. 120-133.

**четвертого параграфа - «Секторальное гендерное пространство как мировоззренческое ядро гендерных структур и его политическое значение».**

Феномен секторального гендерного воздействия на социум формируется лишь в условиях реальной дискриминации женщин. Суть его негативного воздействия обусловлена неравноправностью социального и политического фактического положения женщины в семье и обществе, приводящей к эффекту социального отчуждения ввиду дискриминационных ограничений. Женщина не может реализовать свой потенциал и на подсознательном уровне ощущает социум как нечто если не чуждое, то агрессивное – с одной стороны, а с другой, пытается проецировать собственные социальные ожидания на своих детей, членов своей семьи и ближайшее окружение.

Определение границ секторального пространства происходит помимо воли женщины, диктатом среды, но саму эту территорию женское сознание считает полностью своим. В случаях изменений границ допустимых реализаций женщины секторальное гендерное пространство, естественно, стремится к заполнению новых объемов. В традиционных этнических обществах патерналистского толка эта проблема не стоит ввиду официального отсутствия перспективных векторов приложения ресурсов женской активности, что всегда вызывало скрытый или открытый протест, имеющий и политическую составляющую.

Советская власть, которая способствовала получению женщинами среднего и во многом высшего образования, и, невзирая на все подвижки российского общества, уровень женского участия в его политической жизни оставался недостаточным для выхода из положения секторального воздействия, несмотря на то, что основные параметры социального «легитимизированного» гендерного влияния оставались в пределах тех значений, которые были заданы еще в годы существования СССР. Практика же партийных и государственных органов того периода предусматривала именно представительные политические функции женщин в

соответствующих областях общественной жизни. Эта искусственная ситуация создала условия к психологической переориентации гендерных систем от традиционных к маргинальным. В то же время факты успешного продвижения женщин по вертикали социального положения имели прецедентный характер, что необратимым образом усиливало деструктивные изменения уже в рамках маргинализированной семьи.

Социальный статус женщины в современном традиционном обществе также имеет ряд весьма серьезных гендерных диспропорций в сферах занятости, безработицы, в оплате труда и уровне доходов, в престижности рода деятельности, в политической сфере, в частности в снижении доли женщин в представительских органах власти, сохранении существенного гендерного диспаритета среди научных работников.

Это негативно сказывается и на политических аспектах жизнедеятельности общества. Таким образом, в областях политической и управленческой жизни общества к 80-90-м годам прошлого века были созданы и в значительной мере сохраняются и сегодня условия, переводящие гендерные системы в их секторальную форму.

Наиболее значимым направлением формирования секторального гендерного пространства видится в этноидентификационной составляющей, выражающейся в резком росте числа женщин к вопросам этнической принадлежности, к дефинитивным признакам этноса как такового, что с точки зрения политологии представляется очень важным<sup>7</sup>.

Особо важно для Северного Кавказа следующее обстоятельство: секторальное гендерное пространство на определенной стадии маргинализации традиционных этнических обществ, в качестве одного из главных своих компонентов включает в себя и такую сферу, как вопросы национальных гендерных институтов и конфессиональной идентификации субъекта, что имеет серьезные политические последствия, связанные с ролью

---

<sup>7</sup> См.: Дробижина, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет [Текст] / Л. М. Дробижина. - М.: Новый хронограф, 2013. - 336 с.



женщины в трансформирующемся обществе.

**В главе II – «Гендерные отношения в традиционном обществе и механизмы их политизации»** анализируются вопросы, связанные с механизмами формирования и функционирования гендерных стереотипов в качестве социокультурных, исторически обусловленных явлений. Рассмотрены вопросы деструкции традиционного гендерного поведения, становления и развития моделей женской социально-политической активности.

**Параграф 2.1. – «Роль и функции гендерных стереотипов в патерналистских этнических обществах»** посвящен анализу гендерных стереотипов, которые являются явлением культурного порядка, формируются под воздействием исторических условий и усваиваются в процессе социализации.

В традиционном обществе, под характеристики которого вполне подпадают ареалы Северного Кавказа, – вплоть до наших дней – гендерный стереотип выполняет некий ряд функций, которые коррелируют с функциями социального стереотипа в целом. К ним мы можем отнести поддержку идентификации личности и группы - регулятивная функция; передачу опыта взаимодействия представителей различных поколений - трансляционная функция; усвоение и сохранение знаний, опыта, норм, ценностей представителей собственной генерации – систематизационная функция; включение индивида в социальные связи и отношения, так или иначе детерминирующиеся принятым в обществе гендерным распределением, - социализационная функция.

В диссертации исследованы гендерные стереотипы, имеющие содержательные отличия. На Северном Кавказе маскулинное доминирование определяется гендерной конфигурацией и именно она конструирует различные типы маскулинности и феминности. Маскулинность народов Северного Кавказа является главным конструктом, находящимся в основе создания системы этнической принадлежности и иерархизации

национального сообщества и шире – самого национального субъекта. Система гендерных взаимоотношений даже в сфере семьи в национальной интерпретации народов Северного Кавказа культивирует гегемонию маскулинности, что автоматически подразумевает разделение пространства мужского и женского субъектов, при абсолютном примате первого, в т.ч. и в политической сфере<sup>8</sup>.

Создается жесткая система соотношений женского и мужского начал, в которых гендеру отведена роль рекреации маскулинности. Иначе говоря, мы сталкиваемся с особой формой гендерных систем, которые можно охарактеризовать как военно-нобилитетные, главным результатом, которого является готовность пожертвовать своей жизнью. Выход за его пределы означает мгновенную десоциализацию, выражающуюся в том, что традиционные отношения прекращают движение в рамках патерналистских комплексов, а в системе гендера могут использоваться в своем «зеркальном» отображении. Если в современных условиях феминизация стала синонимом колонизации и других дискриминационных практик, то неслучайно, что в настоящее время в процессах этнического возрождения центральной темой стало переосмысление и реконструкция только женской сексуальности.

**В параграфе 2.2. – «Развитие форм женской социально-политической активности»** автор обращается к анализу развития моделей женской социально-политической активности в дореволюционный и советский периоды. В работе показано, что на рубеже XIX - XX веков, когда женские организации Европы и России уже представляли собой значимую социальную величину, говорить о подобном же качестве женского движения в районах Российской империи с преобладанием мусульманского населения не представляется возможным. Нормы шариата попросту не предполагали участия женщин в социальном бытии общества, поэтому в самом общем виде можно утверждать, что феминизм национальных окраин государства к концу

---

<sup>8</sup> См.: Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования [Текст] / ред.-сост. Н.М. Римашевская, Л.Г. Луныкова. – М.: Наука, 2009. – 273 с.

XIX века имел место, причем в зачаточных формах, лишь как спорадические проявления социально-политической активности женщин, принадлежавших в основном к кругам русского военного и гражданского чиновничества.

Определяя начальные стадии проявления женской социально-политической активности, в диссертации констатируется, что одной из специфических черт становления феминистского сознания на территории Северного Кавказа было наличие национального пассионарного этапа, когда, получив первоначальный импульс извне, женское движение региона начало свое развитие в качестве своеобразного национального сегмента культурной и общественной жизни.

Главным итогом «пассионарного» этапа развития женского движения можно считать формирование иных поведенческих стереотипов и норм восприятия этих стереотипов общественным и личностным сознанием.

Значительную роль в изменении общественного сознания в женском вопросе играла официальная политика царской администрации. Российская империя стремилась к изменению общественных настроений и унификации управленческих институтов на своей территории, попутно делая все для, так сказать, «стандартизации хартийно-социальных составляющих государства»<sup>9</sup>.

В исследовании делается вывод, что на рубеже XIX-XX веков общественное сознание, вернее жесткость его дефинитивных параметров, если можно так выразиться, была в некоторой степени «расшатана» в его отношении к альтернативным нормам поведения, в том числе и к не вписывающимся в традиционные женские модели. Хотя наметившиеся в общественном сознании флуктуации ментальных параметров и не приобрели к этому времени социально-статистической значимости, они, по всей видимости, были достаточными для осознания возможности иных форм поведения, нежели традиционно считавшиеся приемлемыми для Кабарды и

---

<sup>9</sup> Кажаров, В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII-первой половине XIX века [Текст] / В.Х. Кажаров. - Нальчик: Эль-фа, 1994 - С. 134 .

Балкарии.

В диссертации показано, что к началу Первой мировой войны женское движение на территории нынешней Кабардино-Балкарской Республики в своем развитии уже имело оформившиеся черты своей второй фазы – национальной. Это можно считать основным качеством для выхода из полной политической, социальной и культурной изоляции женской части коренных народов республики и их участие, даже если в латентном виде, в эволюции ментального пространства региона.

Короткий период 1920-1925 является стадией естественного генерации женской социально-политической активности, идеологической основой которой продолжали оставаться поведенческие стандарты, характерные для традиционных сообществ, зафиксированные в обычном праве. Проявления различных форм женской активности в эти годы не являлись идеологическим или политическим заказом и были обусловлены потребностями жизнедеятельности в новой среде.

Политически важно, что сельские районы Северного Кавказа, несмотря на кардинальные изменения политических, социальных, экономических и идеологических сфер, произошедших в стране, на уровне гендерных отношений остались территорией полного и практически безраздельного преобладания этнических моделей поведения. Естественный результат этого обстоятельства состоял в том, что в первоначальных своих формах женская социально-политическая активность получила реализацию на тех направлениях, которые не противоречили традиционным стандартам гендерного поведения. Как правило, это касалось тенденции повышения образовательного уровня горянки.

Советская историческая научная традиция предпочитала оставлять вне сферы своего внимания реальные показатели грамотности населения периферии страны в 20-х годах XX века. Подавляющее большинство исследователей просто постулируют мысль о поголовной или почти

поголовной безграмотности нацменьшинств Советской России, приводя прямо-таки катастрофические цифры в 2-3 % <sup>10</sup>.

Однако учет процентного соотношения обучавшихся в медресе девочек-горянок дает нам весьма внушительную цифру в 30-35% грамотных женщин-горянок в Кабардино-Балкарии начала 20-х годов. Конечно, знание арабской письменности и грамотность исламского образца вскоре оказались абсолютно нефункциональными, но как свидетельство высокого уровня социальной активности женщин, допускаемой обычным правом, эти показатели весьма красноречиво свидетельствуют о том, что никакой «забитости» и тотальной неграмотности населения Кабарды и Балкарии не было и в помине.

Однако, и это представляется особенно важным, анализ архивных материалов показывает, что советская власть реально не смогла обеспечить развитие женской социально-политической активности. Как показали дальнейшие события, партийное руководство республики основной упор делало на формировании женского движения в его организованных формах, которые должны были функционировать как непосредственные проводники идеологии и политики партии, психологическая готовность горянок к участию в подобной работе, руководство не интересовало.

Осознавая малую эффективность воздействия на сознание женщин на культурно-презентативном уровне, советские и партийные органы обеспечивали поддержку некоторых видов женской социально-политической активности, которые могли бы реально послужить основой повышения социального статуса женщины-горянки, изменениям в ее сознании.

Прежде всего, это касалось помощи женщинам в видах деятельности, которые непосредственно затрагивали ее внутрисемейное положение, в частности долю финансовых вложений, обеспечивающих жизнедеятельность семьи.

---

<sup>10</sup> Мамсиров, Х.Б. Деятельность культурно-просветительных учреждений Кабардино-Балкарии в годы первой пятилетки [Текст] / Х.Б.Мамсиров, М.З. Соблиров // Из истории развития культуры социалистической Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эль-фа, 1981. - С. 28.

Именно поэтому, основные усилия руководства в селах были направлены на поддержку кустарных промыслов и объединений женщин на производственной основе, а в населенных пунктах, не имевших традиционных промыслов, речь в основном велась об усилении работы агитационного плана и о привлечении женщин к деятельности по искоренению неграмотности, к работе в выборных органах, т.е. о политических мерах структурно-организационного характера. Однако женское производственное движение на Северном Кавказе в 20-х годах XX века так и не вылилось в форму естественно-эволюционной женской самоорганизации, так как партия прекратила поддержку кустарных женских промыслов.

**В параграфе 2.3. – «Социально-политические процессы в системе гендерной активности в годы советской модернизации»** исследуются процессы деструкции в системе традиционного гендерного поведения в первые годы советской власти.

В диссертации показано, что коммунистическая партия всячески способствовала включению женщин в общественно-политическую жизнь в нужном для нее «идеологическом» направлении, создавая при этом все новые и новые организационные формы. И «заданность» именно этих форм женской социальной активности в условиях СССР была закономерной для всего советского пространства.

Однако ни о какой массовости женского движения (и при наличии позитивных процессов) в начале 20-х годов говорить не приходится. Более того, основная часть коренного женского населения Северного Кавказа, вопреки усилиям государства, придерживалась традиционных стандартов поведения.

Для Северного Кавказа последствия фактической феминизации женщин имели особенное значение. Практически вся система национальной самоидентификации населения региона – а именно западной ее части - была основана на нескольких базовых идеологических доминантных признаках, и

принципы патернализма были одними из них. Разрушение системы патерналистской организации общества, соответствующая ментальным стереотипам в одном из его главных компонентов – сфере гендерных отношений, на самом деле, означало полный распад структуры традиционного общежития и свободного проникновения в умы людей новой идеологии.

Поворотным моментом в истории женского движения Кабардино-Балкарии, как считает автор исследования, был 1925 год. К этому времени стала наблюдаться явная диспропорция между нормами поведения и целевыми, жизненными установками, диктуемыми новой идеологией, реально существующим в сельской части, особенно – в женской среде, что потребовало скорейшего серьезного вмешательства партии.

Анализ партийных документов программного характера тех лет свидетельствует о том, что целенаправленная политика партии именно в этом направлении ознаменовалась большим успехом, нежели шаги по дискредитации и противодействию конфессиям. Проводилась широкая подготовка к преобразованию страны в огромный механизм безоговорочного подчинения, главным условием которого была фактическая нивелировка специфических поведенческих особенностей, характерных, как для отдельных социальных страт, так и этнических обществ. Формы вовлечения женщин в жизнь советского общества были довольно многообразны. Одновременное подключение партийных и советских органов по нескольким направлениям активизации женского населения не могло не дать определенных результатов. Это касается целенаправленного разрушения традиционных систем идентификации индивидуума, социализация личности, результатом которой явилась неизбежная смена культурных и ментальных ориентаций горянок. Это был процесс общего характера, и он отнюдь не означал действительной поддержки скрытых потенций советской женщины, скорее наоборот.

Политическая задача партийных и советских органов заключалась в

упразднении остаточных структур генерации традиционного менталитета и институирование высвободившихся потенциалов женской социально-политической активности в необходимой форме.

Таким образом, логика развития ситуации потребовала, чтобы главный акцент в работе советских и партийных органов был сделан на трех направлениях: сначала – создание кадрового потенциала носителей нового сознания, естественных агентов политического влияния и идеологического воздействия, во-вторых – создание формированием слоя партийных горянок идеологической вертикали в самой женской среде, в-третьих – обеспечение условий экономической автономизации женского населения Северного Кавказа путем организации таких форм хозяйственной деятельности, которые гарантировали бы базу естественной трансформации внутрисемейных отношений, собственно говоря, всего комплекса сложившихся к этому моменту в национальных районах гендерных институтов.

Пути решения этих задач были следующие. Создание масштабной, систематизированной системы подготовки женских кадров с последующим выдвижением наиболее активных из них на работу в советские и партийные органы. Включение женской части населения в производство, причем не традиционное, кустарное, как это уже было в горских селениях – опыт с точки зрения идеологического целеполагания, абсолютно, неудачный, - а производство промышленное, когда, с одной стороны, заработная плата дает самостоятельность женщины в системе гендерных отношений, а с другой – ставит ее в условия, при которых лишь общий труд многих людей приводит к появлению конечного продукта, т.е. когда основополагающие роль и значение женской личности ограничены.

Однако инициализация и разворачивание женского движения в конце 20-х годов XX века была обусловлена не только мерами партийных и советских органов. Фактическое изменение естественно-эволюционных типов женской социальной и политической активности, ставшее



свершившимся фактом (за исключением редких и малозначащих феноменов) уже к середине 20-х годов XX века, не могло не «спровоцировать» ориентацию женщин республики в новых социально-экономических и культурных условиях в нужном для партии направлении.

Особую роль в политизации женского движения сыграла деятельность руководства республики в области образования. Открытие в Нальчике Ленинского учебного городка, массовый набор в него слушательниц-горянок форсированными темпами обеспечил создание серьезной кадровой базы, послужившей тем инициационным сектором, который, в конце концов, привел к кардинальному изменению ментальных стереотипов женской части населения Кабардино-Балкарии, к появлению и развитию форм женской социально-политической активности, ставших в дальнейшем основанием для формирования сателлитного женского движения «классического» советского периода.

Политическая активность женского населения резко возрастает в короткий период 1925-1927 гг. Число женщин, которые активно восприняли новые жизненные стандарты, к концу 20-х годов XX века достигло критического порога и именно тогда и появляется потребность в формировании организационных структур женского движения, когда серверные формы объединения – пункты по ликвидации безграмотности (далее по тексту – ликпункты), клубы и т.д. - уже не удовлетворяют возросшие запросы женского населения, потенциал его активности. Одновременно с этим количественный порог в 25% был, по мнению автора диссертации, той границей, которая полностью обеспечивала запросы руководства КБР в части женского представительства в различных партийных и советских органах.

Это был общий для всей страны процесс. Судьба женского населения КБАО фактически дублировала его в местной среде, в лучшем случае – с небольшим запаздыванием по срокам. Несомненно одно: к концу 20-х годов XX века ситуация в женской среде Кабардино-Балкарии приняла в общих

чертах вид, остававшийся неизменным на протяжении более чем 60 лет, вплоть до конца 80-х.

**В параграфе 2.4. - «Особенности женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарской Республике»** рассматриваются особенности функционирования и политизации женского движения в условиях «маскулинного общества» периода конца 40-х - 90-х годов. Автором особо подчеркивается, что женское участие в общественной жизни республики в 40-90-х годах XX века, в работе управленческих и представительских структур было обусловлено и ограничено задачами идеологической презентации женского равноправия в условиях отсутствия как такового, выразившегося в форме сателлитного варианта.

Краткий обзор моментов консолидационных процессов в женской среде приводит к выводу о том, что проявления женской аттрактивности в рамках сателлитных организаций носили эпизодический характер, прежде всего, в силу малого количества женщин, замещавших высшие руководящие должности. Во-вторых, формирование аттрактивных и консолидированных женских групп происходило в условиях агрессивной маскулинной среды. В-третьих, сателлитные формы женской активности фактически не оказали никакого влияния на развитие ситуации 90-х годов.

В диссертации подробно описан период становления и развития женских политических и национальных движений самого различного толка в КБР в 90-х годах XX века.

Для определения идеологической активности женщин республики в целом был проведен анализ электоральной активности женского населения, в ходе которого выяснилось, что она на местном уровне имеет устойчивую тенденцию к повышению. Это объясняется стремлением гендерных систем к стабильности и может расцениваться как естественная реакция женского сознания на объективные процессы, протекающие в обществе.

Таким образом, осмысление эволюции феномена женской социально-политической активности КБР в постперестроечное время дало автору

основание очертить следующие этапы:

- ⌘ активность отдельных категорий женщин, консолидированных в орбите воздействия своих пассионарных центров – до 1991 года;
- ⌘ формирование и становление сателлитных структур женского движения радикального и оппозиционного характера – 1991-1996 годы;
- ⌘ распад систем женского организованного движения – 1996-1998 годы и по настоящее время;
- ⌘ формирование консолидированных групп электоральной направленности и женских аттрактивных сообществ идеологического характера (религиозные группы).

Системы женской социально-политической активности являются одним из немногих общественных феноменов, показатели реальной значимости которых не только не сокращаются, а наоборот, возрастают.

За так называемый переходный период женское движение, утратив видимые формы структуризации, неуклонно набирает потенциал силового влияния, превращаясь в условиях все большего дробления мужских социальных институтов в потенциально значимую политическую силу общества.

В этой связи особое значение приобретает новая составляющая возможной работы с женским движением в целом, а именно - оптимизация во многом стихийных социально-политических процессов складывающейся женской активности.

**Глава 3 – «Влияние нового социально-экономического контекста 90-х годов XX века на особенности политизации гендерных отношений»** посвящена анализу взаимосвязи реального сектора экономики и степени сохранности традиционных этнических стандартов поведения в 90-е годы XX века.

**В параграфе 3.1. – «Экономические и политические детерминанты ментальных трансформаций патерналистских обществ»** показано, что именно в 90-х годах XX века в результате кризиса всей системы российского

общества произошла смена ментальных ориентиров значительной массы населения КБР в части экономических и социальных ожиданий, распределенных по половому признаку. В работе сделан вывод, что традиционные качества кавказского «мужчины-воина» в значительной степени утратили свою ценность и значимость в легитимном социальном пространстве. Наметилось серьезнейшее расхождение между гендерными предпочтениями традиционного характера и нормами адаптированного поведения.

Сфера материального производства для республик Северного Кавказа с ярко выраженным патерналистским типом организации социума была крайне важна, а ее разрушение явилось одним из основных факторов смены поведенческих ориентиров, как в целом в обществе, так и в женской его части. В связи с этим выделяются факторы, способствовавшие изменению гендерных адаптивных установок и позиционированию женщины в общей системе межполовых отношений. Во-первых, это вынужденный переход населения (значительная его часть) к обеспечению своих насущных потребностей посредством заработка в сфере розничной и мелкооптовой торговли (сам факт публичной продажи чего-либо для народов региона являлся постыдным деянием). Во-вторых, сильнейшая поляризация показателей душевых доходов населения. Исследуя коэффициент концентрации доходов населения, сделан вывод, что в той части населения республики, балансирующей на грани нищеты и происходило становление и формирование наиболее радикальных концепций политического, социального и государственного переустройства, именно здесь в самой резкой и неприемлемой форме менялись стандарты гендерного поведения и мотивации.

По аналогичному сценарию процесс трансформации базовых гендерных комплексов затронул и жителей сельских населенных пунктов. Уровень маргинализации участников процесса промышленного производства, степень деструктурированности систем этнической идентификации и,

соответственно – изменений в институтах гендера, превосходят соответствующие показатели части этноса, занятого в традиционных областях жизнедеятельности. Показательно, что до развала СССР ряд населенных пунктов Кабардино-Балкарии, в силу своей географической изолированности, практически не поменяли общий жизненный уклад не только за последние десятилетия существования государства, но, по большому счету – в гораздо большем временном промежутке.

Смена статусных ориентиров и этнических представлений о престижности тех или иных видов жизнедеятельности в сельском хозяйстве произошла в течение 90-х годов XX века, когда претерпела существенные изменения сравнительная эффективность торгового посредничества и прямого производства.

В диссертации сделан вывод, что все вышеизложенное естественным образом вступало в противоречие с традиционными этническими ценностными институтами. Заметно влияло статуирование женщины в системе межполовых взаимоотношений, тем более, что именно женщины достаточно быстро переориентировались на адаптивные механизмы социальной коммутации, во многих случаях воспринимая консерватизм мужчин в этом процессе за их жизненную и индивидуальную несостоятельность. Дезадаптированность мужчин, даже в условиях катастрофического обрушения экономики, социальных и государственных институтов обеспечения жизни, стала своеобразной точкой катализации их политической и социальной активности.

**В параграфе 3.2. – «Механизмы изменения нормативного этнического поведения женского населения и его политизация»** автором рассматриваются вопросы, связанные с определением адаптивных механизмов социально-политической коммуникации женщин.

Подчеркивается, что индивидуальная трудовая деятельность традиционно играла весьма важную роль в этнических сообществах Северного Кавказа и, в частности, в Кабардино-Балкарии. В

постперестроечный период предпринимательство в рамках семейных или близкородственных групп оказалось тем видом деятельности, который вывел многие семьи на достаточные и даже высокие уровни материального благополучия. Именно, женщины, прошедшие тяжелую школу «дикого» рынка, добросовестной и недобросовестной конкуренции в условиях незнакомых городов, не могли оставаться в рамках традиционных поведенческих и ментальных норм, формируя, даже в рамках традиционных биосоциальных представлений, некую флуктуативность межполовых границ, что вообще свойственно современным обществам. С другой стороны, как показывают данные опросов, именно представительницы рыночного бизнеса – кустарные производители и продавцы, а также «челночницы» - в наиболее жесткой форме не приемлют трансформации маргинального плана, вторгшиеся в семейную жизнь народов КБР уже в 90-х годах, хотя вынуждены участвовать в них.

В диссертации обоснован вывод, что, это явление имеет объяснение чисто психологического характера, в то же время само кустарное или индивидуальное производство не может нарушать традиционных этнических стереотипов поведения и мотивации. Ментальное поле общества и этноса меняется лишь в результате комплексных трансформаций всего образа жизни, включая и такую форму времяпровождения как досуг<sup>11</sup>. Кабардинские и балкарские женщины, равно как и представительницы всех коренных народов Северного Кавказа, включая казачество, всегда занимались домашними промыслами. Однако в стандартных моделях гендерного поведения никоим образом не предусматривалось занятие торговлей, считавшейся делом постыдным и непозволительным. Фатальность изменений экономической ситуации периода 1985-2000 годов обусловлена именно тем, что ввиду объективных экономических запросов среды развитие получили формы малого бизнеса, ориентированные на торговлю.

---

<sup>11</sup> См.: Артемов, В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) [Текст] / В.А. Артемов // Социологические исследования. - 1995. - № 1. - С. 73–83.

Начиная с середины-конца 80-х годов XX века и по наши дни в республике сформировался и функционирует целый сектор обеспечения жизнедеятельности в гендерной сфере. Речь идет о малом предпринимательстве, отличительной особенностью которого продолжает оставаться теневой бизнес, влияющий на позиционирование женщин по отношению к государству.

В работе сделан вывод, что сектор малого и частного предпринимательства будет расширяться и в дальнейшем. Каким образом это скажется на маргинализации и политизации женского населения КБР предвидеть сегодня достаточно трудно. Однако маргинализация и политизация значительной части женского населения в условиях традиционных этнических обществ в виде реакции национальных этических систем продуцирует альтернативные, зачастую – очень жесткие модели женского поведения.

В политическом аспекте важно отметить, что в среде сельского населения тоже четко прослеживается смена ценностных ориентиров в женской среде сельского населения КБР. Например, в авторитарной ориентации представителей подрастающего поколения. Сегодняшнее стремление к социальному продвижению своих детей говорит о полной смене в рамках гендерных систем моральных приоритетов адаптивными – именно у сельских жителей Кабардино-Балкарии.

Таким образом, латентная маргинализация и социальная активизация женщин-горянок с начала 90-х годов XX века происходят на фоне дезадаптированности и открытой маргинализации мужской части населения в целом, усиления их политической пассивности.

**В главе 4** диссертационной работы – **«Политический контекст кризиса этнического гендерного сознания»** рассматривается роль гендерных институтов в процессе политической и социальной трансформации систем гендерного сознания в условиях резко меняющейся

социальной и социально-политической среды.

**В параграфе 4.1. - «Кризис этнической идентичности в современных условиях трансформации»** автор диссертации обращает внимание на то обстоятельство, что для Северного Кавказа особо значимым видится процесс политической трансформации систем гендерного сознания и базовых гендерных комплексов в контексте борьбы между национальными и глобальными системами идентичности, которые в условиях все большей автоматизации и унификации институтов функционирования социума претерпевают очевидный кризис.

Говоря о процессах замещения и доминанции социально-адаптивных компонент базовых гендерных комплексов, сделан вывод, что, с одной стороны, проявление внутренней стабилизации, принадлежность к социуму дает субъекту ощущение защищенности. С другой – сам факт политического и социального позиционирования, принадлежность к определенным социальным группам или противостояние с ними специфически влияют на гендерное секторальное пространство, напрямую выводя и интегрируя его в общий объем социума. В условиях традиционной маскулинной популяции, находящейся в стадии кризиса, это зачастую предопределяет нежелательные для общества проявления политической и поведенческой активности. Ярким примером может служить формирование религиозных параметров политической этнической идентификации, которые являются одним из факторов становления исламского радикализма.

С середины 80-х годов наблюдается процесс замещения парадигмальных политических и этнических элементов патерналистских систем самоидентификации на гендерные, причем их социально-политической, более подвижной части – своеобразная сублимация женской культуры. Императив морального, этического соотнесения с нацией при этом сохраняется, точкой исчисления ценностных категорий гендерное сознание продолжает считать комплексы традиционного для мужчины-кавказца воинского поведения.



В 80-90-х годах XX века в Кабардино-Балкарии (как и во всех национальных субъектах Северного Кавказа) сформировалось несколько групп, остающихся в рамках традиционных этнических сообществ. Это, во-первых, представительницы адаптировавшегося к рынку слоя квазимаргиналов, напрямую интегрированных во вненациональное поле политических и экономических взаимоотношений. Во-вторых, еще более многочисленная группа женщин, в среде которых формировались явления расширения секторального гендерного пространства, перевода из скрытых (семейных) его форм в социально обозначенные. Этот процесс в основном был обусловлен падением статуса мужчины в условиях экономического хаоса и безработицы, полной нефункциональностью традиционных этнических стереотипов идентификации патерналистского типа.

Политически важно учитывать, что секторальное гендерное пространство явилось той средой, внутри которой, в результате действия адаптивных механизмов, произошло становление градационной лестницы – от субъективного «я» с его ближайшим семейным окружением до более обобщенных понятий, крайним и высшим из которых может быть «этнос» – в силу вхождения в парадигму его определения ценностных политических и морально-этических идеалов, традиционных для народов Северного Кавказа.

Что же касается непосредственно женской части населения и гендерных систем вообще, то накопившийся политический потенциал традиционного гендера в условиях существования маргинальных женских моделей поведения инициирует либо дальнейшую деэтнизацию гендерных систем, либо формирует обширную зону демонстративного этнического поведения в его вторичных признаках, в частности религиозных.

**В параграфе 4.2. – «Политическая роль адаптивных компонентов в структуре гендерного секторального пространства»** подчеркивается, что с повышением политической роли адаптивных компонентов в общей структуре гендерного секторального пространства начинает меняться и характер воздействия последнего на народы Северного Кавказа. Причин

перехода секторального гендерного пространства на продуцирование адаптивных моделей базовых гендерных комплексов множество – сам ход развития региона в границах российского правового и экономического поля инициировал этот переход. Первые признаки возрастания роли функций адаптивности наблюдаются еще в середине XIX века, затем история народов Северного Кавказа приобретает ярко выраженные тенденции замещения в гендерных базовых комплексах морально-этических и этноидентификационных составляющих компонентами политического адаптивно-социализационного плана и это становится все более и более очевидным.

Однако следует отметить, что ни полное вхождение в зону российской государственности, ни капитализация отношений, наблюдавшаяся в самом конце XIX - начале XX века, ни даже Октябрьская революция и установление советской власти не играли в жизни горцев необратимой роли, что важно учитывать при анализе политизации гендерных отношений.

В диссертации сделан вывод, что основной причиной устойчивости поведенческих и аксиологических стереотипов была стабильность форм хозяйствования и обеспечения жизнедеятельности народов Северного Кавказа, наблюдавшаяся вплоть до перестроечного периода.

Коренная ломка произошла уже в 80-х годах. Первые системные проявления рыночных отношений, становление кооперативного движения, процессы накопления первичного капитала и признаки социально-политической дифференциации общества инициировали серьезные подвижки в границах секторального гендерного пространства.

Проявлявшаяся сегментация ранее единой политической и экономической структуры государства, версификация форм жизнеобеспечения семей, формирующийся разброс уровня обеспеченности семей обусловили возрастание роли и места адаптивных функций секторального гендерного пространства. Сегментация жизненного пространства закономерно экстраполировалась в гендер, реализовавшись в

виде соответственной сегментации морально-этических компонент базовых гендерных комплексов.

В политическом контексте важно отметить, что процесс распада единого культурного и коммуникативного поля как результат воздействия адаптивных механизмов секторального гендерного пространства, впрочем, нельзя увязать именно и только с определенным этапом в истории СССР. Он постоянен как само понятие жизненного успеха. В этом смысле секторальное гендерное пространство, в силу наличия в его объеме механизмов социальной адаптации, всегда выступает в качестве диссипативной системы и системы, инициирующей диссипацию по отношению к традиционным этническим сообществам.

**В главе 5 - «Альтернативные формы женской социально-политической активности на современном этапе»** рассматривается роль деформационных процессов традиционных систем патерналистской этноидентификации, которые привели к распространению альтернативных форм женской поведенческой вариативности.

**В параграфе 5.1. - «Трансформация общественных процессов в контексте эволюции женской социально-политической активности»** дан анализ политической ситуации 90-х годов XX века в Кабардино-Балкарии.

В диссертации показано, что этнический радикализм возникает в стохастической среде, когда ни внутренняя политика государства, ни экономические факторы не могут быть предсказуемы. Если административные структуры в результате неточной оценки ситуации усложняют существующие системы межэтнического сосуществования социально-политических, этнических, юридических, экономических тенденций, то процесс накопления и разрешение конфликтных ситуаций в обществе может приобрести не поддающийся контролю характер.

В этом аспекте развитие ситуации на Северном Кавказе, с конца 80-х годов XX века представляет пример не всегда правильного вмешательства

управленческих структур федерального Центра в полиэтничный и многоконфессиональный конгломерат регионального сообщества.

Основным фактором возникновения и дальнейшего развития социально-политических процессов, которые привели республики Северного Кавказа к современной ситуации, является эволюция научных и социокультурных интересов представителей интеллигенции региона, которые сформировались в соответствии с видимыми преобразованиями в России, начиная с 1985 года. Симбиоз интересов в верхушке интеллектуальной и творческой элиты Кабардино-Балкарии в указанный период официальное свое оформление получил в виде нескольких культурно-национальных организаций.

Однако, приходится констатировать, что степень радикализованности наиболее активных групп населения при этом достигла нежелательных масштабов. Именно это является предметом исследования **параграфа 5.2. - «Влияние гендерного фактора на развитие и политизацию этнокультурного сепаратизма»**. В диссертации отмечено два последовательных фактора сущностных внутrigендерных корреляций, наблюдаемых на современном этапе развития северокавказских традиционных обществ. Во-первых, это конкуренция гендерных парадигм разного происхождения, имеющая конечной целью овладение полем репродуктивных взаимоотношений полов. Во-вторых, в условиях давления новых гендерных систем, при существовании их физиологически и генетически обусловленных преимуществ традиционные гендерные системы могут защищаться только одним способом – инициированием изначально адаптированных к ним механизмам патерналистских сообществ<sup>12</sup>. Так формируется политическая и социальная база возрождения и реабилитации традиционных этноидентификационных парадигм.

Для перевода женской этнической активности из латентных уровней в активные, требуется некий период первоначального накопления потенциала

---

<sup>12</sup> См.: Соколовский, С.В. Этничность как память: Парадигма этнологического знания [Текст] / С.В. Соколовский// Этнокогнитология. Вып.1: Подходы к изучению этнической идентичности. - М.: Прогресс, 1994. - С. 9-36.

радикализма. Основное содержание этого периода в интересующем нас аспекте – процесс маргинализации женщин, выхода их из границ поля традиционного этнического сознания в суррогатное псевдоэтническое.

Первыми признаками подобной маргинализации можно, по всей видимости, считать проявления консолидации женщин вне семейных границ, о чем свидетельствуют показатели электоральной активности высших уровней, которая несвойственна традиционным сообществам. Данные выборов в местные советы весьма показательны<sup>13</sup>.

В общем и целом, даже в случаях сохранения тенденции постепенного и незначительного падения количества набранных голосов указанные данные для национальных сел отмечены заметно большей амплитудой колебания, нежели для русских, что наблюдается как при сравнении электоральных параметров небольших населенных пунктов, так и достаточно крупных.

Исследование этого процесса выявили недвусмысленную зависимость

---

<sup>13</sup>При сравнении списков депутатов сельских советов и количества набранных ими голосов (выбор населенных пунктов КБР проводился по случайному принципу) была выявлена определенная разница между национальными селами и селами с русскоязычным населением. Разброс количества набранных голосов среди семи депутатов Янтарненского поселкового совета (Прохладненский район) лежит в границах от 658 до 512, причем график падения этого показателя лишен резких перепадов: 658 – 653 – 648 – 563 – 552 – 537 – 512. Участие в голосовании при этом приняло 1250 человек. Сходная картина в Александровском станичном совете: девять депутатов «уложились» в границах 1211 – 840. Распределение голосов от набравшего наибольшее количество до наименьшего 1211 – 972 – 936 – 887 – 855 – 852 – 846 – 844 – 840, причем если не считать показатель в 1211 голосов несколько «выбивающимся» из общего ряда, то можно сказать, что 2010 жителей станицы Александровской, пришедшие на избирательные пункты, весьма ровно оценили своих будущих депутатов. Как правило, графики ряда убывания голосов кандидатов в русских селах представляют из себя либо одну плавную линию, либо линию с одним резким спадом, вне которого сохраняется некоторая монотонность убывания, причем весьма малого (в пределах 10 %). Октябрьский сельсовет (Майский район) – 375 – 350 - падение, далее – 277 – 273 – 242 – 213 – 199 – 184 – 164 – 145. Прималкинский сельсовет (Прохладненский район) – 973 – 943 – 910 – 898 – 882 – 878 - 815 – 797 – 783 – 724 – 719 – 719 – 695 – 690 – 655. Эта тенденция наиболее четко выявляется в крупных селах с количеством избирателей, превышающим 1500 человек (что имеет, по всей видимости, чисто математическое объяснение), но она очевидна и в небольших русскоязычных населенных пунктах. Обзор электоральных показателей в кабардинских и балкарских селах в большинстве случаев дает несколько иную картину. Конечно, имеются села, вполне «вписывающиеся» в обрисованную нами схему, например Лечинкай – 9 депутатов, распределение голосов - 1560 – 1545 – 1497 – 1481 – 1446 - 1403 – 1314 – 1281 – 1149. Однако, в целом, электоральные показатели характеризуются значительной неравномерностью. Так, количество максимально и минимально набранных депутатами сельского совета голосов колеблется в Верхнем Чегеме от 654 до 383 (голосовали 681 избирателей), в Верхнем Курпе – от 779 до 297 (937 избирателей), Хушто-Сырт – от 399 до 149 (489 голосовавших) и так далее. При этом частые перепады в графике падения набранных голосов – повсеместное явление. Как минимум, линия снижения данного показателя имеет два и более разрыва (около 15 - 20 %): Хушто-Сырт – 399 – 324 – 304 – падение – 269 – падение – 215 – 188 – падение – 149. Частично это явление можно объяснить чисто математическим ожиданием увеличения разрывов при уменьшении количества попыток – в данном случае количества голосующих. Однако, как мы можем видеть, вне зон разрывов снижение количества голосов происходит постепенно, даже без увеличения «пошаговой» дистанции между показателями соседствующих депутатов. Верхний Курп – 779 – 776 – 771 – 763 – 760 – разрыв – 626 – разрыв – 306 – 297. Былым – 504 – 489 – разрыв – 425 – разрыв – 369 – 354 – 340 – 330 – 320.

электоральных показателей от уровня локальной структурированности контингента избирателей в каждом конкретном случае. Характер падения количества набранных голосов связан, по всей видимости, с наличием более-менее монолитных групп избирателей в каждом конкретном населенном пункте. И эти монолитные группы избирателей в селах с русскоязычным населением являются, как показывают послевыборные опросы, стохастическими временными электоральными объединениями женщин. Их выбор в большинстве случаев продиктован неким коллективным женским сознанием и ориентирован, в том же большинстве случаев, на предпочтения по половому признаку – подавляющее большинство депутатов местных советов, уложившихся в графики постепенного «ровного» снижения количества набранных голосов, женщины, а в некоторых населенных пунктах КБР все депутаты поселковых советов второго после принятия пакета законодательных актов о местном самоуправлении созыва (приводятся данные этого созыва – конца 90-х годов прошлого века), например в поселке Янтарном, были женщинами.

Уже на следующих выборах в начале нового столетия эти процессы сполна проявились в национальных селах республики. И хотя традиционно представительство мужчин в местных советах национальных населенных пунктов было преимущественным, послевыборные опросы подтвердили высокий уровень совпадений женских предпочтений и поименных списков депутатов, т.е. и здесь мы наблюдаем спонтанное проявление консолидированной воли женщин, вышедших за рамки традиционного этнического поведения.

В диссертации показано, что радикальный женский этноцентризм, открытый маргинализм и агрессивный феминизм являются частными, крайними проявлениями одного и того же политического процесса деструкции традиционных гендерных систем. Четко выраженные группы маргиналок в условиях традиционного общества формируются по остаточному принципу и, в конце концов, приходят к своим завершающим

фазам. Это могут быть закрытые женские клубы и объединения по интересам, группы с девиантным поведением, базирующиеся на личных связях их членов, люмпенизированные объединения и даже сообщества, реализованные в криминальной среде. В зависимости от социальной реализованности женщин в подобных образованиях они могут либо остаться индифферентными по отношению к общественно-политическим процессам общества, либо представлять собой кадровый ресурс наиболее негативных тенденций, в т.ч. политических.

Другой вариант развития маргинальных настроений в традиционных патерналистских обществах имеет несколько другой рисунок. Потенциал женской социально-политической активности, остающейся в рамках поведенческих нормалей, целиком и полностью ориентирован на реабилитацию этнокультурных ценностей и формальное восстановление стандартов общежития обычного права. Причем, если до начала перестройки маргинализация женщин имела латентный характер и к проявлениям девиантного социального поведения не приводила, то уже к концу 80-х годов прошлого века на Северном Кавказе появились первые оформленные группы радикальных этноцентристок, занятых активной деятельностью в составе национальных обществ и политических партий.

Политической реальностью является то, что в течение 1991-1995 годов в Кабардино-Балкарии полностью оформилось устойчивое ядро радикального женского этноцентризма. Это выразилось, прежде всего, в прямом участии женщин в деятельности национальных общественных движений.

К началу-середине 90-х годов прошлого века общий, так сказать, ценз политической активности женщин на Северном Кавказе повысился до уровня, не позволяющего говорить о значимой сохранности традиционных стандартов поведения. Само по себе это, быть может, и неплохо, но в условиях изначально маскулинных сообществ такое положение говорит скорее не о повышении позитивной социально-политической активности женщин, а о массивных процессах маргинализации, о вступлении

гендерных систем на тот отрезок эволюционного развития, который характеризуется поливариантностью дальнейших перспектив, включая, при этом, и самые нежелательные последствия.

Важно отметить, что этнический радикализм женщин принял в республике форму этнокультурного сепаратизма, который, как одна из ипостасей этноцентрического радикализма, явился реакцией на конкурентное вмешательство в репродуктивную сферу иных систем гендерных взаимоотношений – с одной стороны, с другой – результатом попытки сублимативной замены патерналистских систем этноидентификации на феминные, при номинальном сохранении парадигмы традиционного этнического.

Разрушение единой вертикали идеологических институтов, давшее знать о себе уже в конце 80-х годов, и окончательная деидеологизация общества в 90-х привели к формированию масштабных лакун в области политических, социально-экономических, морально-этических концептуальных доктрин, определяющих поведение общества, что и явилось предметом анализа **параграфа 5.3. – «Политические аспекты гендерной парадигмы в конфессиональном пространстве»**. Изначально это свободное пространство заполнялось несвойственными для Северного Кавказа учениями и религиозными системами. Можно констатировать, что в первой половине 90-х годов XX века конфессиональная карта Кабардино-Балкарии представляла собой весьма пеструю картину, причем именно в сфере духовных устремлений граждан республики.

Особо важным при этом является то обстоятельство, что нетрадиционные религиозные учения оказались в основном непривлекательными для женской части коренного населения. Это само по себе видится очень показательным фактом и свидетельствует о том, что изначально религиозные моменты воспринимались как культурные, а любые новационные изменения отсекались гендерным сознанием, к этому времени уже взявшего на себя этнорекреационные функции. Однако в середине-конце



90-х годов прошлого века соотношение мировоззренческих предпочтений в женской среде коренных этносов Кабардино-Балкарии стало резко меняться и выразилось это, прежде всего, в степени распространения демонстративных исламских стандартов поведения<sup>14</sup>.

Главным фактором формирования радикально-экстремистски настроенных мусульманок Северного Кавказа явились изменения гендерного позиционирования женщин. Одним из условий зарождения и развития женского исламского экстремизма является ситуация массовой изоляции верующих женщин от перспектив реализаций своих репродуктивных функций (согласно исламу - главное предназначение женщины – репродукция, поэтому в большинстве случаев - это единожды и более раз овдовевшие спутницы уничтоженных боевиков). Кабардино-Балкария в этом отношении благополучна – даже не относительно. Политически сугубую важность представляет динамика роста процентного соотношения верующих женщин по отношению к мужчинам - мусульманам.

В середине 90-х годов прошлого века в возрастных категориях до 40 лет приблизительная доля новообращенных женщин не доходила до планки в 10% (1995 год). К концу 90-х годов этот показатель достиг уровня 30%. В начале нового столетия количество женщин-мусульманок достигло половины от численности мужчин, практикующих ислам, сегодня женская и

---

<sup>14</sup>Если в 1995 году, согласно проведенным среди старшеклассников опросам, количество верующих мусульман-юношей было пренебрежимо мало (менее 1% из числа опрошенных – двое из 256 учеников от 14-лет и старше), а количество верующих девочек стремилось к нулю (не выявлено среди 220 опрошенных), то уже к 1998 году ситуация изменилась.

Экспресс-опрос, проведенный в апреле 1998 года в 14 школах столицы республики, выявил следующую картину: из общего количества респондентов (опрашивались только ученики последнего года обучения) – 200 юношей и 100 девушек – 16 учеников заявили, что совершают ежедневный пятикратный намаз, еще 11 предполагали обратиться к исламу в ближайшем обозримом будущем. Среди учениц 9 уже делали намаз, столько же готовились к переходу к исламским нормам жизни. В одной из школ – именно упоминавшегося района – две девушки уже носили хеджаб. Самым показательным при этом было то, что из совершавших намаз – 5 юношей и 3 девушки были этническими русскими. И феномен религиозной конвертации (в том числе и среди женщин) активно стал проявлять себя в 2000-х годах. (См.: Прасолов, Д.Н. Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности [Текст] / Д.Н. Прасолов // Исторический вестник. - VII выпуск. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 230-256.)

Следует учитывать, что средний возраст приблизительно половины случаев обращения к вере, например, в городе Нальчике на сегодняшний день лежит в границах от 14 до 23 лет. Причем существует небольшой возрастной разрыв – пики новообращений приходятся на категории 14-15 лет и 20-23. Это означает, что результаты экспресс-опроса (фактически пошаговое, с коррекцией по численности анкетирование) не полностью вскрыли картину распространения ислама среди учащихся.

мужская доли в общем объеме мусульманского населения республики практически сравнялась<sup>15</sup>.

Определенные изменения в гендерном поведении женщин этнических сообществ Северного Кавказа привели к изменению функциональных нагрузок женщин в системе политической и этнической идентификации. Вкупе с устойчивым религиозным позиционированием и изменением стандартов аксиологии и мотивации смена гендерного целеполагания привела (уже сегодня) к ситуации, когда значительная масса женщин-мусульманок не ощущает своей локализации в пределах нормативно-правового и государственного пространства Российской Федерации, они лишь живут в этом ареале, используя его возможности для рекреации теперь уже не чисто этнического, а религиозно-этнического миропорядка, выражающегося в возрастающей тенденции к исламизации.

**В Заключении** подводятся основные итоги теоретического и эмпирического исследования проблемы и обозначаются перспективы ее дальнейшего исследования.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

**Монографии:**

1. Шаожева, Н.А. Эволюционные формы женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. - 119 с. (7 п.л.)
2. Шаожева, Н.А. Гендерные процессы в этнополитическом и социокультурном пространстве Северного Кавказа [Текст] / Н.А. Шаожева. - Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. – 255 с. (14 п.л.)
3. Шаожева, Н.А. Трансформация гендерных стереотипов в 90-х годах XX – начала XXI веков (социально-экономический и правовой контекст) [Текст] / Н.А. Шаожева. - Нальчик: КБНЦ РАН, 2012. – 132 с. (8,5 п.л.)

**В изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ:**

1. Шаожева, Н.А. Детерминанты женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // История науки и техники. – 2009. - № 3. – С.39-45.
2. Шаожева, Н.А. Региональные особенности женской безработицы в Кабардино-Балкарии на современном этапе [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова: Серия: Общественные науки. – 2010. - № 4. - С. 101-104.
3. Шаожева, Н.А. Гендерные стереотипы в традиционном обществе [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета: Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2010. - № 4. – С.55-58.

---

<sup>15</sup> См.: Мукожев, А.Х. Внутриконфессиональный конфликт и проблемы исламского радикализма в современной Кабардино-Балкарии [Текст] / А.Х. Мукожев // Исторический вестник. - VIII выпуск. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – С. 303-321.

4. Шаожева, Н.А. Гендерные аспекты правовой политики народов России и КБР в сфере труда и занятости [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2010. - № 39. - С. 80-86.
5. Шаожева, Н.А. Секторальное гендерное пространство в региональном измерении [Текст] / Н.А. Шаожева // Общество. Среда. Развитие. – 2010. - № 4. – С. 84-87.
6. Шаожева, Н.А. Флуктуации женской занятости в Кабардино-Балкарии на современном этапе [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Адыгейского государственного университета: Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.– 2010. – №3 (64). – С. 147-153.
7. Шаожева, Н.А. Адаптивные модели базовых гендерных комплексов [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ч. II. – 2010. - № 5 (37).– С. 90-95.
8. Шаожева, Н.А. Трансформация национальных гендерных стереотипов (Северный Кавказ постсоветского периода) [Текст] / Н.А. Шаожева // Культурная жизнь Юга России. – 2011. - № 1. – С. 37-38.
9. Шаожева, Н.А. Развитие гендерной идентичности в традиционном обществе северокавказских народов [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: Серия: Общественные науки. – 2011. - № 1. – С. 25-29.
10. Шаожева, Н.А. Гендер в контексте этнической идентичности [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Московского государственного областного университета: Серия: История и политические науки. – 2011. - № 1. – С. 130-135.
11. Шаожева, Н.А. Ценностные критерии современных гендерных комплексов [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Адыгейского государственного университета: Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. - №2(80) – С. 173-179.
12. Шаожева, Н.А. Гендерный фактор в конфессиональном пространстве Северного Кавказа [Текст] / Н.А. Шаожева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. I. – 2011. - № 2(8). - С. 205-208.
13. Шаожева, Н.А. Некоторые вопросы формирования сублимативных форм гендерных систем [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова: Серия: Общественные науки. – 2011. - № 2. – С. 174-180.
14. Шаожева, Н.А. Гендер и кризис традиционной этнической идентичности [Текст]/Н.А. Шаожева// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2011. - № 3 (41). – С. 195-199.
15. Шаожева, Н.А. Гендерные проблемы адаптации этнического поведения к меняющимся социально-экономическим условиям (на примере Кабардино-Балкарской Республики [Текст] / Н.А. Шаожева // Общество. Среда. Развитие. – 2011. - № 3. – С. 91-94.
16. Шаожева, Н.А. Социогендерные процессы в КБР в 90-е год XX века (экономический аспект) [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2011. - № 5(43) – С. 241-247.
17. Шаожева, Н.А. Гендерные аспекты сепаратизма в условиях деформации традиционных систем Северного Кавказа [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2011. - № 41. – С. 85-91.
18. Шаожева, Н.А. Проблемы гендерной социоструктурной трансформации традиционных этнических сообществ народов Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // Научный Вестник Уральской академии государственной службы. - 2012. - № 1 (18). - С. 223-227.
19. Шаожева, Н.А. К проблеме женского участия в политической сфере (на материалах Кабардино-Балкарской Республики) [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. - 2012, № 6. – С.133-139.
20. Шаожева, Н.А. К вопросу о социодинамике традиционных гендерных стереотипов у народов Северного Кавказа [Текст] / Н.А. Шаожева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». Ч. 2. - 2012. - № 10 (24). – С. 218-221.
21. Шаожева, Н.А. К вопросу о трансформации ценностных гендерных нормалей [Электронный ресурс] / Н.А. Шаожева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012.- №11(19). Режим доступа к журналу: [www.sisp.nkras.ru](http://www.sisp.nkras.ru).
22. Шаожева, Н.А. Трансформация гендерных отношений в семейной сфере в процессе преобразования традиционного общества народов Северного Кавказа (общее и особенное) [Текст] / Н.А. Шаожева // Европейский журнал социальных наук - Рига-Москва. - 2013. – № 8 (35). – Т. 2. – С. 316-322.
23. Шаожева Н.А. К проблеме гендерной асимметрии в социально-экономической и политической сферах в условиях модернизации российского общества (на материалах Кабардино-Балкарской Республики) [Текст] / Н.А. Шаожева//Вестник ВЭГУ. – 2014. - № 1 (69). – С. 106 – 111.

**Статьи в научных сборниках и периодических научных изданиях:**

1. Шаожева, Н.А. Генерирующие начала женского движения в КБР [Текст] / Н.А. Шаожева // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2003. – С. 115-128.
2. Шаожева, Н.А. Эволюция сателлитных форм женской социальной активности в Кабардино-Балкарии (40-80-е гг. XX века) [Текст] / Н.А. Шаожева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра

РАН. – 2008. - № 4 (24). – С.127-135.

3. Шаожева, Н.А. Изменение системы гендерных взаимоотношений в 20-30-е годы XX века в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. - № 3. – С. 336-340.

4. Шаожева, Н.А. Исторические и социальные корни феминизма [Текст] / Н.А. Шаожева // Архивы и общество.– 2008. - № 5. – С. 162-165.

5. Шаожева, Н.А. Истоки женской социальной активности в России [Текст] / Н.А. Шаожева // Архивы и общество. – 2008. - № 6. – С. 152-155.

6. Шаожева, Н.А. Риск радикализации политической жизни северокавказского региона [Текст] / Н.А. Шаожева, Ф.Р. Джантуева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2008 - № 32. – С 66-70.

7. Шаожева, Н.А. Формы женской социальной активности в КБР на современном этапе. [Текст] / Н.А. Шаожева // Вестник Владикавказского научного центра РАН. Т. IX. - 2009. – № 1. – С. 18-24.

#### **Публикации в материалах научных мероприятий:**

##### **Международные конференции:**

1. Шаожева, Н.А. Социальные права женщин (региональный аспект) [Текст] / Н.А. Шаожева // Система ценностей современного общества: мат-лы XII межд. научн. – практич. конф. - Новосибирск: НГТУ, 2010. – С. 127-131.

2. Шаожева, Н.А. Гендерная трансформация личностной идентичности на современном этапе [Текст] / Н.А. Шаожева // Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке: мат-лы второй межд. научн. – практич. конф. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. – С. 153-155.

3. Шаожева, Н.А. Эволюция этнического радикализма на Северном Кавказе (90-е годы XX века) [Текст] / Н.А. Шаожева // Актуальные вопросы философии, истории и политологии: мат-лы межд. заочной научн. – практич. конф. – Новосибирск: «ЭНСКЕ», 2011. Ч. II. – С. 147-151.

4. Шаожева, Н.А. «Женский вопрос» как один из аспектов экономики КБР [Текст] / Н.А. Шаожева // Актуальные вопросы современной науки: мат-лы межд. научн. – практич. конф. – Таганрог, 2011. – М.: Спутник+. - С. 454-457.

5. Шаожева, Н.А. Роль адаптивных компонентов в структуре секторального гендерного пространства [Текст] / Н.А. Шаожева // В мире научных открытий: мат-лы межд. научн. – практич. конф. - М.: «Спутник+», 2011. – С. 132-134 .

6. Шаожева, Н.А. Демографический фактор как один из индикаторов трансформации гендерного этнического поведения в 90-е годы XX века [Текст] / Н.А. Шаожева // Современные тенденции в науке: новый взгляд: мат-лы межд. научн. – практич. конф. – Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. Ч. 9. – С. 180-181.

7. Шаожева, Н.А. Деструкция гендерных ментальных стереотипов в постсоветский период в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // Актуальные вопросы социально-экономического развития современного общества в условиях реформ: мат-лы межд. научн. – практич. конф. – Саратов: ЦПМ «Академия Бизнеса», 2011. – С. 213-214.

8. Шаожева, Н.А. Проблемы гендерной адаптации в среде сельского населения Кабардино-Балкарской Республики в 90-е годы XX [Текст] / Н.А. Шаожева // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании: мат-лы межд. научн. – практич. конф. Вып. 4. Том 13. - Одесса: Черноморье, 2011. – С. 96-99.

9. Шаожева, Н.А. Субликативная гендерная активность в постсоветский период в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы: мат-лы межд. научн. – практич. конф. – Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012 . Ч. 3. – С. 134-135.

10. Шаожева, Н.А. К вопросу о гендерной асимметрии в политической и социально-экономической сферах в период трансформации российского общества (региональный аспект) [Текст] / Н.А. Шаожева // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели: мат-лы межд. симпозиума. - Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. – С. 76-78.

##### **Всероссийские конференции:**

1. Шаожева, Н.А. Женское движение в экономической сфере в Кабардино-Балкарии на современном этапе (на примере неформальной занятости) [Текст] / Н.А. Шаожева // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез: мат-лы всерос. научн.-практич. конф. – Ростов-на-Дону: 2010. - С. 351-353.

2. Шаожева, Н.А. Проблемы адаптации в секторальном гендерном пространстве [Текст] / Н.А. Шаожева // Гуманизм: история, современность, перспективы: мат-лы всерос. научн. – практич. конф. – Биробиджан: ГОУВПО «ДВГСГА», 2010. – С. 134-139.

3. Шаожева, Н.А. Адаптивные гендерные этнические механизмы в постсоветский период [Текст] / Н.А. Шаожева // Северный Кавказ в системе стратегического развития России: мат-лы всерос. научн.-практич. конф. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. – С. 181-184.

4. Шаожева, Н.А. К вопросу о женской политической активности в Кабардино-Балкарской Республике [Текст] / Н.А. Шаожева // Двадцать лет региональному центру этнополитических исследований РАН: итоги и перспективы: мат-лы всерос. научн.-практич. конф. - Махачкала: ДНЦ РАН, 2014. – С. 334-

440.

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора  
политических наук**

**Шаожева Наталья Анатольевна**

Тема диссертационного исследования

**Политизация гендерных отношений в процессе преобразования  
российского общества  
(на материале Северного Кавказа)**

**Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы  
и технологии.**

Изготовление оригинал-макета  
Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН  
Подписано в печать..... Формат 84x108 1/32. Гарнитур Таймс. Объем  
2,4 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии издательства КБНЦ РАН  
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик,  
ул. И. Арманд, 37«а»